

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.

Ідея

Воскресенье, 16-го Января 1911 года.

Иллюстрированное прибавление къ № 10194.

О Н А.

(Carte postale)

Въ антрактѣ госпожа Б. отказалась выйти изъ ложи. Я остался съ нею, разумѣется.

Она слѣдила за нарядной публикой съ мягкой, нѣсколько усталой улыбкой, что очень шло къ ея строгому, спокойному лицу. Госпожа Б. считала меня своимъ другомъ. Я обожалъ ее за прямоту. Она не умѣла лгать. Даже въ манерѣ слегка щурить сѣрые, умные глаза чувствовалась особенная искренность. Это не мѣшало ей быть замкнутой. Она ничего о себѣ не рассказывала. Я зналъ ее столько же, сколько всѣ окружающіе: блестящее общественное положеніе, прекрасныя материальныя средства, безупречная репутація. Вотъ. Ни больше, ни менѣе,

Сегодня впервые она показалась мнѣ неестественной. Ее, видимо, беспокоило что то. Между прочимъ, она не выпускала изъ рукъ бинокля. Часто, по крайней мѣрѣ, разъ 15 она наводила его въ партеръ. Потомъ, опуская, замѣтно блѣднѣла, улыбалась странно, растерянно: „О, мой другъ!..“ Это звучало, какъ жалоба, какъ мольба, какъ крикъ о помощи. Она страдала. Я былъ убѣжденъ. Я самъ началъ внутренне, безпричинно волноваться. „О, мой другъ!..“ Три короткихъ слова, произнесенные съ такой раздирающей болью... я помню ихъ до сихъ поръ... Я смотрѣлъ на матовыя плечи госпожи Б., на ея греческую, изящную прическу, жемчужныя серьги, бархатное платье и думалъ: „Возможно, она несчастна. Что мы знаемъ о ея душѣ? Что мы знаемъ, вообще, другъ о другѣ?“

Съ нашей ложей поравнялась пара. Высокій, элегантный блондинъ вель подъ руку маленькую женщину поразительной красоты. Они церемонно раскланились съ госпожой Б.

— О, прошепталъ я, восхищенный, — мы не часто видимъ такія лица...“

— Это Леося Х. съ мужемъ — отзвалась моя сосѣдка, — они недавно вернулись изъ Ниццы.

Супруги прошли въ партеръ.

Госпожа Б. застыла съ биноклемъ, блѣдная до неузнаваемости. Теперь я кое-что понялъ. Я вдругъ почувствовалъ себя смѣльымъ. Я сказалъ небрежно, полу-шутя,

— Держу пари, они вѣсъ интересуютъ.

— Очень, — согласилась госпожа Б. Добавила послѣ нѣкотораго колебанія.

В. Т. Шевяковъ.

Новый товарищъ министра народного просвѣщенія.

Карта землетрясения въ Семирѣчье.

— Это цѣлая исторія... грустная исторія моей молодости.

Но она рассказала мнѣ ее лишь на обратномъ пути, въ экипажѣ.

— Мы были съ нею подругами, я и Леося. Очень интимными, очень любящими и очень долгое время. Насъ часто принимали за сестеръ. Леося всегда пользовалась громаднымъ успѣхомъ. Это не мѣшало ей во всемъ подражать мнѣ. Въ туалетахъ, манерахъ, мнѣняхъ. Она хотѣла не только просто походить на меня, но быть моей точной копіей. Она любила повторять: — я вѣрю въ твой умъ, какъ въ

догматъ“. Ея отношеніе лъстило мнѣ. Двадцати лѣтъ я полюбила. Жоржъ не представлялъ изъ себя ничего особенного — онъ не былъ ни дуренъ, ни хорошъ, ни уменъ, ни глупъ. Я понимала это, но любила его глубоко. За что мы любимъ? Любовь всегда тайна. Завязка, середина моего романа были просты, по-шаблону. Онѣ дороги только для меня. Мнѣ не хочется рассказывать вамъ подробности. Немного поэзіи, немного философіи и... немного физиологии, — будемъ откровенны. Я начала блѣднѣть, худѣть, страдать безсонницей. Я сильно плакала въ то время. Ахъ, подумать только, какъ мы мѣняемся... Наконецъ, я рѣшилась признаться Леосѣ. Видите, во мнѣ поднялась неодолимая потребность говорить о Жоржѣ съ кѣмънибудь. Произносить его имя вслухъ, восхищаться имъ, вспоминать незначительныя фразы, случайную улыбку, рассказывать, какое впечатлѣніе Жоржъ произвелъ тамъ-то, что отвѣтилъ тому-то... Это всегда уже такъ... не правда-ли?

Сначала Леося относилась ко мнѣ скептически. Часто замѣчала, удивленная:

— Но, дорогая, онъ только кажется тебѣ такимъ. Жоржъ совсѣмъ иной, увѣряю тебя... Онъ гораздо прще...

Потомъ она привыкла, не удивляясь, терпѣливо выслушивала мои изліянія. Дальше стала разспрашивать уже сама, интересовалась, волновалась, утѣшала меня. Наконецъ, она заразилась моей экзальтацией и повѣрила, что... „нашъ Жоржъ“ — чудный, особенный, удивительный... Вы понимаете, чѣмъ это кончилось? Леося полюбила его. Двѣ сразу... О, немножко забавно, — *embarras de richesses...* для Жоржа. Онъ долго колебался. Если я нравилась ему больше, то Леося была смѣлѣе. Она взяла его буквально штурмомъ.

Хорошо. Они обвѣчались. Леося ревновала меня. Пришло прекратить знакомство. Я вышла замужъ въ свою очередь. Этимъ лѣтомъ одинъ только разъ мы встрѣтились въ Ментонѣ. Какой тяжелый вѣчеръ!.. Никогда не забуду. Леося устроила такъ, что мы остались однѣ. Спросила съ рѣшиностью умирающей:

— Скажи, ты любила Жоржа... по-настоящему?

Вы знаете, я органически не умѣю лгать. Я отвѣтила. Да, я его сильно любила, это правда.

Она заплакала. По ея словамъ, она вышла за Жоржа, лишь довѣряя моему вкусу. Она хотѣла особеннаго му-

жа, она такъ вѣрила мнѣ. О, иронія.. И она была теперь очень несчастна.

Взволнованная госпожа Б. замолчала.

Я задалъ ей нескромный вопросъ.

— Вы простили ее?

— Ну, конечно,—воскликнула она горячо, —конечно, простила.. Я здѣсь больше виновата, чѣмъ Леося.

Анна Марь.

ЛЕЛЬКА.

(Миниатюра).

Холодно. Октябрьскій вѣтеръ срываетъ съ деревъ желтые листья. Въ увеселительномъ саду „Альгамбра“ уныло хлопаютъ флаги; сегодня ихъ спустятъ и завтра не поднимутъ опять. Сегодня закрытіе сада. Малочисленная публика, выйдя изъ театра, подъ шумъ дождя бредетъ по домамъ. Сторожъ Мартынъ гасить разноцвѣтные фонарики, которые трещать и лопаются отъ дождевыхъ капель. Удушилый чадъ ползетъ въ воздухѣ и заставляетъ Мартына кашлять. Потушивъ послѣдній фонарикъ, сторожъ, кряхтя, поднимаетъ корзинку и тащить куда-то въ глушь, шепча:

— О-охъ, грѣхи... До будущаго года, значитъ.

До будущаго года замреть жизнь въ „Альгамбре“; театръ, садовые кіоски и павильоны будутъ спать подъ снѣгомъ. Мартынъ нарядится въ тулупъ и сквозь сонъ будетъ стучать до утра деревянной колотушкой. Перелетныя птички, наполнившія садъ и театръ пѣніемъ и смѣхомъ, разлетятся Богъ вѣстъ куда, многія съ тѣмъ, чтобы никогда не вернутся ни въ „Альгамбу“, ни въ городъ.

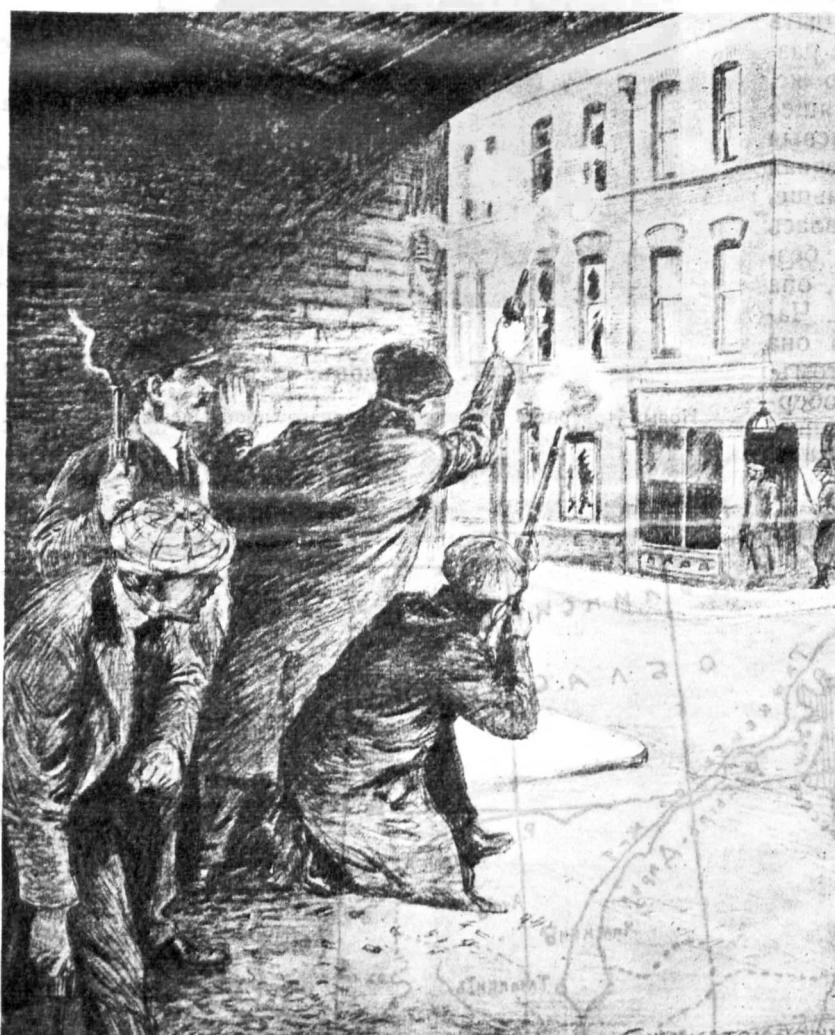
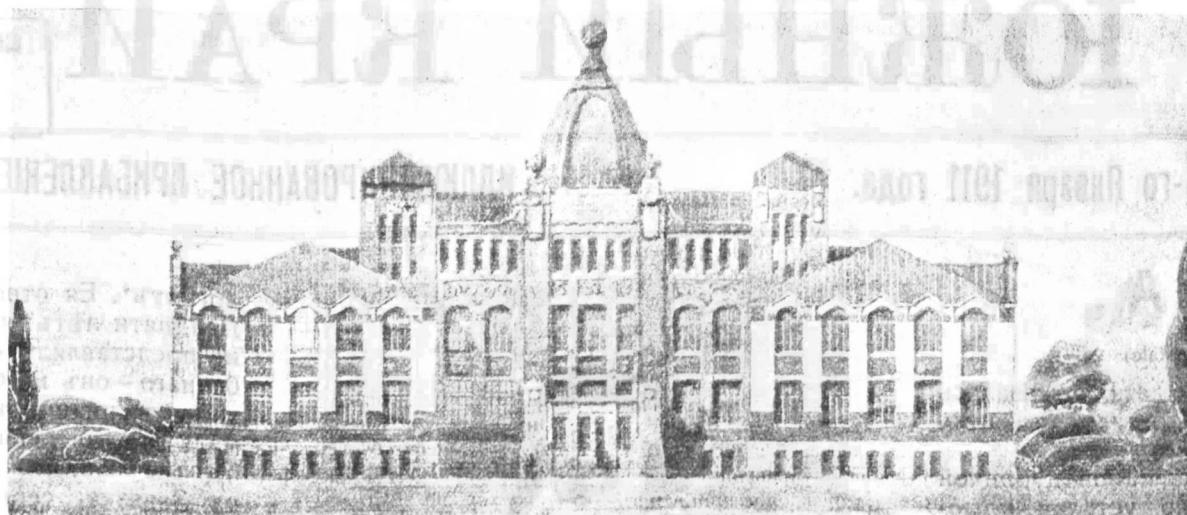
Мартыну становится грустно. Грустно и публикѣ, которая расходится въ разныя стороны. Чѣмъ дальше отъ „Альгамбры“, тѣмъ рѣже ея ряды. Въ концѣ улицы остаются только два-три пѣшехода. Кареты давно увезли губернскую знать; утихъ ревъ послѣднихъ автомобилей. И если бы не шумъ дождя, то вокругъ было бы тихо, какъ въ пустынѣ.

Лелька обертывается и бросаетъ послѣдній взглядъ на „Альгамбу“.

Фонарь надъ входомъ въ садъ гаснетъ. Огонь, мигавшій, какъ звѣздочка, похожъ на послѣдній вздохъ, который вылетаетъ изъ тѣла „Альгамбры“. Огонь погасъ—и теперь все кончено.

„Домъ Науки“ имени П. И. Макушина въ Томскѣ.

Проектъ гражданскаго инженера А. Д. Крячкова, получившій первую премію.

Осада экспропріаторовъ въ Уайтчэпелѣ, въ Лондонѣ.

Сжимая въ кулакъ рубль, полученный за два послѣднихъ спектакля, Лелька думаетъ, что и для нея конечно все. Пятьдесятъ разъ Лелька выступала въ видѣ Царицы Весны въ блестящей фееріи, поставленной въ саду во второй половинѣ сезона. Пятьдесятъ разъ Амуры въ завитыхъ парикахъ выносили Лельку въ торжественной процессіи, закутанную въ легкую прозрачную кисею, осыпанную цветами, съ нарумяненными щеками и блестящимъ взоромъ, и каждый разъ публика вскрикивала отъ восторга. Полулежа въ раковинѣ—почему въ раковинѣ, это секретъ режиссера,—Лелька, какъ настоящая царица, бросала на своихъ подданныхъ благосклонные взгляды.

Всѣ любовались Лелькой. Громъ апплодисментовъ встрѣчалъ ея выходъ и сопровождалъ уходъ. Въ торжественной процессіи можно было встрѣтить сказочныхъ принцессъ, древнихъ богинь, но Царица Весны затмевала всѣхъ ихъ, и онѣ кусали губы отъ зависти. Режиссеръ потирая руки передъ выходомъ Лельки, щипалъ дѣвушку за щеку и говорилъ, прищуривая глаза:

— Сейчасъ будетъ немножко апплодисментовъ и еще немножко апплодисментовъ.

Лелька чувствовала, что она прекрасна, что сотни глазъ любуются ея фигурой, плечами и грудью, стройной, маленькой ножкой, и ея крошечное женское сердце трепетало отъ счастья. Когда феерія оканчивалась, и съ стройныхъ ножекъ приходилось стягивать розовое трико, замѣняя его грубымъ холстомъ и дрянно сшитымъ платьемъ, Лелька думала, что это только до завтра; что завтра вечеромъ она опять превратится въ Царицу Весны, Амуры понесутъ ея раковину, и публика опять будетъ глядѣть на Лельку жадными глазами, кричать и хлопать. Лелька думала это и ждала слѣдующаго вечера. Онъ приходилъ и приносилъ съ собою восторгъ и счастье.

А теперь?

Лелька съ испугомъ оглядывается на то мѣсто, гдѣ долженъ сіять фонарь „Альгамбры“. Но фонарь погасъ, и кроме тьмы тамъ нѣтъ ничего.

И завтра, и послѣ завтра не будетъ ничего.

Все конечно. Царица Весны осталась одинокой, маленькой, ничтожной, прозябшей, промоченной дождемъ, безъ апплодисментовъ, безъ криковъ восторга, безъ подданныхъ.

Царица Весны видѣть передъ собою темные октябрьскіе вечера. Вѣтеръ стучитъ ставней лачуги. Чу! кто-то шагаетъ по двору, тяжело, какъ медведь; дверь растворяется со стономъ, какъ будто чувствуетъ себя болѣй и разбитой и ей тяжело живется на свѣтѣ. Тетка Лельки, старая Павлиха, толстая, какъ бочка, отъ множества надѣтыхъ другъ на дружку платковъ и кофтъ, влѣзаетъ въ комнату, отряхиваясь, какъ мокрый пудель. И носъ и щеки ея красны, быть можетъ, отъ выпитой водки, а быть можетъ, отъ вѣтра и холоднаго дождя. Разложивъ на сухое мѣсто чулки, носки и варежки—товаръ,

Вооруженные лондонские полицейские, готовые к нападению.

которымъ она торгуетъ на базарѣ, Павлиха лѣзть въ печь за лапшой или шами и, громко чавкая, начинаетъ ъсть. Старые зубы Павлихи не въ силахъ грызть корки, и она крошить ихъ въ миску съ отбитымъ краемъ. Отъ миски поднимается густой паръ и, какъ облако, закрываетъ Павлиху. Время отъ времени изъ облака мелькаетъ сѣдая бровь, потухшій глазъ, космы волосъ или крючковатый носъ, похожій на носъ вѣдьмы. Время отъ времени изъ облака слышится хриплый голосъ, носящій слѣды дождей, вьюгъ, простудъ.

— Студено на улицѣ, ахъ, студено... бормочеть Павлиха.— Во весь день не могла свои косточки согрѣть. То-то ломятъ, то-то ноютъ. Охъ, горе горькое.

Лелька молчитъ и торопливо работаетъ спицами, съ которыхъ повисъ ма-

Пожаръ въ домѣ, занятомъ экспропріаторами.

ленъкій дѣтскій чулочекъ. А Павлиха шепчетъ задумчиво:

— Бальзамчику Софья Григорьевна дать хотѣла. Бальзамчикомъ потеряться хорошо... Нужно зайти будетъ.

Тянется вечеръ. Шумитъ выюга за окномъ. Мелькаютъ спицы въ рукахъ старой Павлихи и Лельки. Павлиха жалуется на судьбу, на плохую торговлю, на немощи, которыя ее одолѣваютъ. Потомъ, когда время подходитъ къ полночи и у сосѣда поютъ пѣтухи, Павлиха и Лелька гасятъ тусклую лампочку, которая даетъ копоти больше, чѣмъ свѣта, и ложатся спать. Засыпая, Лелька слышитъ жалобы тетки. Жалобы тетки она видѣтъ во снѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!— шепчетъ Лелька.

Она оглядывается и видѣть, что стоитъ на старомъ мосту, который скрипитъ отъ вѣтра.

Солдаты и полицейские обстрѣливаютъ домъ, гдѣ засѣли экспропріаторы.

Холодные черные волны бьются вину и плащутся о берега, о тонкие деревянные быки со ржавыми скрепами.

Царица Весны вспоминает Амуроў въ парикахъ, прекрасную раковину, восторженные крики, блестящие взгляды и думаетъ, что смерть лучше, чѣмъ холодъ и осень, чадная лампочка, жалобы тетки и скучный стукъ спицъ другъ о дружку.

Царица Весны грозитъ кому-то рукой и шепчетъ слова:

— Не хочу...

Изъ разжатой руки выскакиваетъ серебряный рубль, подпрыгивая катится по деревяннымъ доскамъ моста и падаетъ въ воду. Вѣтеръ поетъ ему печальный реквиемъ.

И черезъ минуту уже идетъ на дырявомъ мосту и Лельки.

А. Грузинский.

Наши дамы въ 1911 году.

«Искра».

ди составляетъ 400 рублей въ годъ, и, слѣдовательно, всего расходуется на содержаніе охотничьихъ лошадей до 80 000 000 руб. въ годъ. Вообще же вся охота въ Англіи, какъ травля съ борзыми, такъ и охота съ ружьемъ, способствуетъ переходу въ карманы разныхъ ремесленниковъ, фермеровъ и т. д. отъ 400 до 500 миллионовъ рублей ежегодно.

Французский судья и дама полусвѣта.

У мирового судьи въ Нимѣ разбиралось оригинальное дѣло. Оно можетъ быть поставлено въ pendant тому, какое разбиралъ греческій ареопагъ, судившій знаменитую Фрину.

Очень извѣстная въ городѣ дама полусвѣта отказывалась уплатить портнихѣ за платье, находя его нехорошо сшитымъ и не по ея вкусу.

— Платье вамъ къ лицу,—говорила на судѣ взбѣщенная портниха.

— Нѣть, оно отвратительно!—настаивала демимондэнка.

Судья, выслушавъ обѣ стороны, заявилъ, что для того, чтобы решить вопросъ—хорошо платье или нѣть, дама должна пройти въ его кабинетъ и тамъ надѣть платье.

Такъ и было сдѣлано. И когда демимондэнка появилась въ спорномъ туалете передъ представителемъ Фемиды, послѣдний не могъ удержаться отъ выражения восхищенія.

Это было такъ убѣдительно, что дама полусвѣта, не колеблясь, уплатила по счету, сдѣлавъ судью пріятную улыбку.

ное колье. Незнакомецъ внимательно осмотрѣлъ предложенный товаръ и, когда ювелиръ запросилъ у него за одно колье 60,000 фр., сказалъ: «Колье это мнѣ нравится, но 60,000 фр. слишкомъ дорого. Если хотите, за 50,000 тысячъ я возьму его».

Покупка, наконецъ, состоялась; незнакомецъ просилъ принести жемчугъ въ отель, гдѣ онъ остановился. Послѣ его ухода ювелиръ задумался: не ловушка-ли? Но сомнѣніе его исчезло, когда, явившись лично на другой день въ отель, онъ до послѣдней копѣйки получилъ отъ незнакомца всю стоимость жемчуга—50,000 фр. настоящими французскими кредитками.

Ровно черезъ три дня покупатель снова являлся къ нему въ магазинъ.

— Не можете ли вы доставить мнѣ точно такое же колье?

— Точно такое же—едва-ли, но я постараюсь.

— Непремѣнно доставьте, даже если бы оно дороже обошлось. Имѣйте только въ виду: свыше 80,000 фр. оно не должно стоить. Это—максимальная сумма, которую я могу уплатить...

Ювелиръ принялъ за дѣло съ рѣдкимъ, повидимому, самоотверженіемъ. Приказчики его цѣльными днями шныряли по Парижу въ

— Что, барышня, вашъ базарь былъ удаченъ?

— Повидимому. Кавалерамъ пришлось идти домой пѣшкомъ, такъ какъ у нихъ не осталось даже на конку.

(«Flieg. Bl.»).

поискахъ колье, самъ онъ сѣѣзжалъ даже въ Брюссель и Антверпенъ. Хлопоты его, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ; онъ досталъ почти такое же колье за 75,000 фр. и съ радостнымъ чувствомъ вернулся въ Парижъ.

Покупатель, къ которому снова явился съ въ отель, вначалѣ обрадовался было находитъ, но послѣ тщательного изслѣдованія колье пришелъ къ убѣждению, что имѣющійся въ немъ жемчугъ «не совсѣмъ» подходитъ для пары, а ему нуженъ точно такой же...

Опечаленный ювелиръ вернулся къ себѣ въ магазинъ. Но каково было его разочарованіе въ щедромъ покупателѣ, когда, изслѣдовавъ тщательно жемчугъ совѣстно съ управляющимъ магазина, онъ уѣхалъ, что передъ нимъ какъ разъ то же самое колье, которое онъ всего нѣсколько дней тому назадъ продалъ незнакомцу.

Лицо, у которого онъ пріобрѣлъ это колье за 75,000 фр., оказалось аферистомъ, подобравшимъ щедрымъ незнакомцемъ. Такимъ образомъ, обонь имъ удалось заработать на этой аферѣ круглую сумму въ 25,000 франковъ.

Корреспондентъ «Neue Freie Presse» не называетъ фамилии наивнаго ювелира.

